

A composite image featuring three men smiling. On the left is John F. Kennedy in a tan suit and blue patterned tie. In the center is a younger man in a grey jacket over a blue shirt. On the right is another man in a dark suit and striped tie. The background consists of a large black star on a grey field, with red and white diagonal stripes at the bottom.

**НИКОЛАЙ
ЯКОВЛЕВ**

**БРАТЪЯ
КЕННЕДИ**

**ПЕРЕСТУПИВШИЕ
ПОРОГ**

Весь мир

Николай Яковлев

Братья Кеннеди

«Алисторус»

2022

УДК 323
ББК 66.3

Яковлев Н. Н.

Братья Кеннеди / Н. Н. Яковлев — «Алисторус», 2022 — (Весь мир)

ISBN 978-5-00180-922-7

Президента Джона Кеннеди и сенатора Роберта Кеннеди постигла одна судьба - жизнь их трагически оборвалась. Старший из братьев, Джон, погиб, пробыв в Белом доме тысячу с небольшим дней. Роберт пал на относительно короткой дистанции на пути к возможному занятию президентского кресла - до выборов оставалось около 150 дней. Что это - случайность или заговор? Автор пытается дать ответ. В книге масса биографических подробностей, разбираются различные версии мотивов убийства братьев Кеннеди.

УДК 323

ББК 66.3

ISBN 978-5-00180-922-7

© Яковлев Н. Н., 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. ПРЕСТУПИВШИЕ ГРАНЬ	5
«ДОРОГА ОТ РЕВОЛЮЦИИ»	9
ПАДЕНИЕ С ПЬЕДЕСТАЛА	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Яковлев Николай Братья Кеннеди

ПРЕДИСЛОВИЕ. ПРЕСТУПИВШИЕ ГРАНЬ

Историку очень соблазнительно и увлекательно описать, как происходили события, особенно если речь идет о событиях, современных ему. Рассказ историка в таком случае особенно близок и понятен читателям, в конечном счете все они живут в одну эпоху. Профессиональное исследование современности, однако, ко многому обязывает – историк не конкурирует с публицистом, зачастую воздействующим главным образом на эмоции, а применяет известные научные методы, делает акцент на попытке показать, почему происходили события. Это различие обычно и отличает историческое исследование от публицистического очерка, пусть самого блестящего, а по размерам иной раз достигающего книги средней величины.

Советская американистика достаточно ярко осветила Соединенные Штаты 60-х годов. Особое внимание уделялось трагической судьбе братьев Кеннеди: старший, Джон, погиб, пробыв в Белом доме тысячу с небольшим дней, а следующий по возрасту, Роберт, пал на относительно короткой дистанции на пути к возможному занятию президентского кресла – до выборов оставалось около 150 дней. Что это – случайность или заговор? Трудно сказать, получит ли современное поколение исчерпывающий ответ на этот интригующий вопрос.

Отсутствие ответа или спекулятивные предположения, однако, никогда не останавливали работы профессиональной исторической мысли. Можно с порога утверждать, что рок, преследовавший братьев Кеннеди, не причина, а следствие коренных процессов, происходящих в США. Если так, они вполне доступны нынешним методам исторического исследования. Профессиональный историк имеет в своем распоряжении отработанную и проверенную жизнью методологию, массу материалов, поток которых не иссякает, и, наконец, не последнее по важности, он опирается на здравый смысл. Короче говоря, анатомия американского общества не представляет загадки, окутанной тайной. Его можно и нужно изучать. Во всяком случае, возможна удовлетворительная интерпретация событий, потрясших США в 60-х годах.

Когда в январе 1969 года на пост президента вступил Ричард Никсон, в США не было недостатка в различного рода рекомендациях, как надлежит действовать новому правительству в лабиринте политических развалин, оставленных администрацией Л. Джонсона. Один из самых уважаемых тогда в США публицистов – У. Липпман откликнулся на приход Р. Никсона и республиканцев к власти статьей в «Нью-Йорк пост». Он заявил: «Дефляция, которую должен проводить Никсон, должна начаться с нашей внешней политики, ибо инфляция в этой политике качалась еще с тех пор, как президент Вильсон объявил, чаю наше вмешательство в первую мировую войну преследует цель не только защитить себя и атлантическое сообщество от агрессии, но и, кроме всего этого, сделать весь мир безопасным для демократии, которой в Азии, Африке, основной части Европы и Америки еще никогда не было. Эту вильсоновскую инфляцию продолжал Франклин Рузвельт, обещавший не только разгромить нацистов и японцев, но и освободить весь мир от «страха». Гарри Трумэн еще более раздул эту инфляцию, посвятив американские ресурсы и жизни защите антикоммунистов везде и всюду. Президент Кеннеди в своей речи при вступлении на пост президента превзошел все это. Линдон Джонсон поставил на карту все, что он имел, взявшись выполнить эти глупые обещания».

Но в годы первой мировой войны не кто иной, как У. Липпман, будучи доверенным советником президента, стоял у истоков «вильсоновской инфляции». Теперь, на склоне лет, публицист звал к другому: пусть Америка живет по средствам. Разумеется, трансформировалось не мировоззрение американской буржуазии, к которой принадлежала душа и перо

Липпмана, а мир. Соединенные Штаты не всемогущи, как представлялось В. Вильсону, а мир преследует идеалы, отнюдь не совпадающие с американскими. Впрочем, все это общеизвестно, для целей данной работы представляет интерес другое – указание на роль идей Вильсона в формировании политического курса Соединенных Штатов, точнее методов руководства Вильсона.

Он был президентом в то время, когда Великий Октябрь открыл новую эру в истории человечества. Перед лицом сил новых и морально подавляющих Вильсон воззвал к миру капитала – объединяйтесь, проводите коренные изменения, иначе революция настигнет и вас. Набатный бой вильсонизма услышали, но он не пробудил самодовольное буржуазное общество, надеявшееся справиться с революцией традиционным средством – насилием, но не хлопотливой трансформацией своих основ, какова бы ни была практическая конечная ценность рекомендаций В. Вильсона, он оказался непонятым пророком. Он надорвался, спасая в доступной ему сфере капитализм, был отвергнут властью имущими в США, разбит параличом и вскоре умер. Здание традиционалистского американского общества оставалось и после него в своей основе неприкосновенным, хотя Ф. Рузвельт основательно перестроил его надземные этажи.

4 октября 1957 года запуск первого в мире искусственного спутника Земли Советским Союзом и последующие наши успехи в освоении космоса вызвали повальный шок и панику в капиталистическом мире. Советский Союз в тот эпохальный ход предстал лидером мирового научно-технического прогресса, что, заключили мыслящие на Западе, отражало социальную систему пашей страны. В обстановке всеобщего замешательства раздался голос нового пророка – Джона Ф. Кеннеди. В иных исторических условиях он повторил призывы Вильсона, с трудом добился избрания президентом и стал действовать, спасая на свой лад обветшалые ценности капитализма. В интересах победы над социалистическим миром Д. Кеннеди попытался влить новую кровь в склерозированные артерии капиталистического порядка. Он предложил перестроить Америку сверху донизу, применив крутые методы руководства. Плечом к плечу с президентом Дж. Кеннеди за его идеалы дрался министр юстиции Р. Кеннеди, убежденный сторонник еще более решительного образа действия. Итог их деятельности – лишь острое клинка, который они пытались вбить, чтобы расколоть тяжелое на подъем американское буржуазное общество.

Теоретические воззрения В. Вильсона и Дж. Кеннеди не были результатом произвольных построений, а явились попыткой внести данные, добытые буржуазными общественными науками, в хаос капиталистической действительности. Оба они видели успехи новых сил – революции в 1917 году и социализма на рубеже 50-х и 60-х годов, справедливо считая, что переделка старого мира, начатая Великим Октябрем, идет по строго научному плану, выработанному революционной марксистско-ленинской теорией. Американские президенты, разумеется, отвергали марксизм, но поняли значение науки. Они стремились поставить свою американскую науку на службу капиталистическому государству, добиться синтеза научной теории и политической практики, мобилизовав лучшие умы на службу Вашингтону.

Еще до прихода в Белый дом сенатор Дж. Кеннеди сокрушался: «Сегодняшний американский писатель и ученый не только не знают, но и презирают работу в политике с энтузиазмом Вудро Вильсона». Далеко не случайно президент Дж. Кеннеди избрал местом произнесения своей известнейшей речи 10 июня 1963 года Американский университет в Вашингтоне. Напомнив о том, что президент В. Вильсон открыл этот университет в 1914 году, Дж. Кеннеди сказал: «Профессор Вудро Вильсон как-то заметил, что каждый выпускник университета должен принадлежать как своей стране, так и своему времени, и я убежден, что мужчины и женщины, удостоившиеся высокой чести быть выпущенными из этого университета, будут продолжать отдавать значительную часть своей жизни и талантов служению государству».

Служение государству – в этом суть вопроса, ключ к мировоззрению и политике, основанной В. Вильсоном и развитой братьями Кеннеди. Безукоризненное выполнение своих обя-

занностей перед государством на практике означало подчинение все и вся воле правящей верхушки, введение высокой дисциплины и принесение жертв, иной раз ощутимых, ради высших интересов класса капиталистов в целом. Только на этих путях Вильсон и братья Кеннеди усматривали возможность устоять перед лицом нового мира. Им, однако, не удалось совладать с людьми, с молоком матери всосавшими приверженность к капиталистическому строю в традиционном понимании – с его анархией производства и стремлением к наживе. Отсюда личная трагедия этих людей, до конца преданных делу капитала, – паралич В. Вильсона, убийство президента Дж. Кеннеди и гибель Р. Кеннеди, очень может быть, на пороге Белого дома.

Бесславный уход Вильсона в политическое небытие навсегда глубоко травмировал лично знавшего его Франклина Д. Рузвельта. Большой знаток его жизни профессор У. Лехтенбург напомнил в 1983 году слова биографа Рузвельта Р. Шервуда: «Тень Вудро Вильсона... стояла за его плечами», а от себя добавил: «После просмотра президентом фильма «Вильсон» в 1944 году его кровяное давление подскочило с 130 до катастрофических 240». Оно и понятно, Ф. Рузвельт за год до смерти, видимо, осознал: как была неподъемна Америка для Вильсона, такой она осталась спустя четверть столетия. Отсюда, от бессилия страшный подъем давления.

Примерно через другие двадцать пять лет, после убийства Дж. Кеннеди, его соратник, историк, профессор А. Шлезингер, сетовал в 1986 году: «Как решить генеральную проблему современного капитализма, обеспечить полную занятость без инфляции – по-прежнему загадка из загадок. Наши последние президенты – Форд, Картер, Рейган не смогли выдумать ничего другого для снижения инфляции, кроме введения массовой безработицы, а затем не нашли иных методов для стимулирования экономики, кроме инфляции. Администрация Рейгана снизила инфляцию ценой миллионов безработных. Восстановление при нынешней структуре экономики приведет в конечном счете к новой инфляции. Мы в недавние времена уселись в чудовищный вагон на аттракционе американской горки – прибегаем к спаду для борьбы с инфляцией, а затем к инфляции для борьбы со спадом. Так ездить нельзя, не провалившись в ад. Единственный путь – сочетать высокую занятость со стабильными ценами – обратиться к мерам в области доходов, координируя зарплату, цены и прибыли с производительностью. Кеннеди понял это двадцать лет назад. Нам придется вернуться к его пониманию, если нам суждено покинуть этот вагон и вернуть стабильность в экономическую жизнь...

А между тем курс президента Кеннеди кажется экзотическим в самодовольной Америке Рональда Рейгана. Мы ненавидим стоны об униженных и бедняках. Мы ненавидим напоминания о временах, исполненных благородства и требовательных. Мы ненавидим самую идею, что мы не должны спрашивать, что наша страна может сделать для нас, а что мы можем сделать для нее. Коль скоро мы не можем вынести вызова, который олицетворял Кеннеди, мы укрылись в цинизме и унижительных сплетнях».

По всей вероятности, эта эпоха все же уходит в прошлое, хотя остается открытым вопрос, не идет ли речь об очередном «цикле» в истории США. Еще один американский профессор истории, Р. Макелвен, по осени 1987 года анализируя «комплекс Кеннеди» на страницах «Нью-Йорк таймс», обнародовал свои выводы: «Большинство американцев обеспокоено и разочаровано панацеями правых, которые в последние 10 лет выдаются под обманчивыми ярлыками «консерватизма»... Совершенно очевидно требование выдвинуть вдохновляющего лидера, который сможет восстановить доверие к нашей политической системе... Опросы общественного мнения последних лет указывают: среди прошлых президентов громадное большинство американцев хотело бы видеть снова в Белом доме Джона Ф. Кеннеди». Но, предупреждает историк, нужен не какой-нибудь нынешний деятель, «читающий инаугурационную речь ДФК», ибо «коль скоро американцы хотят, и я верю в это, чтобы их еще позвали на «новую границу», то речь идет о проблемах, вызовах и возможностях девяностых, а не шестидесятых годов... Нужен президент, способный восстановить веру в наши институты и вдохновить нацию перспективами XXI века».

Хотя как суждения Ф. Рузвельта, так и профессоров А. Шлезингера и Р. Макелвена окрашены в первом случае воспоминаниями о В. Вильсоне, а во втором – о Дж. Кеннеди, они приводят к идее, которую автор попытался воплотить в этой книге, а именно – тот строй нередко круто обходится с теми, кто, стремясь оставить в неприкосновенности здание капиталистического общества, пытается перестроить его фундамент. На первый взгляд парадоксальная постановка вопроса, но книга, надеется автор, убедит в ее правомерности.

«ДОРОГА ОТ РЕВОЛЮЦИИ»

В 1917 году в России свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Президентом Соединенных Штатов тогда был Вудро Вильсон (1913—1921 гг.). Подвиг российского пролетариата потряс до основания весь мир, а В. Вильсон был потрясен вдвойне. Если для большинства государственных деятелей Запада раскаты грома Великого Октября раздались неожиданно, то он давно пытался оценить густоту туч, собиравшихся над капитализмом. Вильсон не сомневался, что гром грянет, оставалось определить срок и место. Теперь дело прояснилось. Социальная революция вырвала из системы капитализма великую страну. Случившееся в далекой России породило общие условия, созданные в мире капитализмом. И в государстве, где правил В. Вильсон, – Соединенных Штатах в начале XX века назревало громадное недовольство существовавшими порядками. Был ли путь Октября заказан для США?

Еще до того как в Петрограде взвилось победоносное знамя российского пролетариата, В. Вильсон давал положительный ответ на этот вопрос. На близких подступах к своей политической карьере В. Вильсон в январе 1910 года выступил на банкете банкиров в Нью-Йорке. Обращаясь к ним и сидевшему рядом в президиуме Джону П. Моргану, В. Вильсон наставительно произнес: «Беда в том, что вы, банкиры, узколобы. Вы не знаете страны, что происходит в ней, а страна не доверяет вам... Вы, банкиры, не видите дальше своих непосредственных интересов... Вам следует шире взглянуть на вещи и усмотреть, что лучше для страны в конечном счете».

Выдвинутый в 1912 году кандидатом в президенты от демократической партии, В. Вильсон по долгу и внутреннему убеждению бил тревогу: «Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что страна охвачена серьезнейшим недовольством? Можно ли сомневаться, что есть все основания для этого недовольства? И вот какие: сложилось нетерпимое положение... в последние годы наше правительство контролируется главами крупнейших корпораций». Положение масс ухудшается – «средний класс выжимается все больше и больше в результате процессов, которые мы называем процветанием... Мы все в лапах безжалостной громадной экономической системы... Законы страны не защищают слабых от сокрушения сильными».

Буржуазная демократия, рассуждал В. Вильсон, исчерпывает свои возможности в обстановке открытой и наглой политической коррупции. «Люди говорят: «Мы голосуем, нам предлагают нужную платформу, мы выбираем человека, стоящего на этой платформе, и ничего не получаем». Поэтому они начинают спрашивать: «Какой смысл в голосовании? Мы знаем, что машины обеих партий субсидируют один и те же люди и поэтому бесполезно обращаться к любой из них». Пролит безжалостный свет на политические порядки в США, В. Вильсон делал выводы на будущее, с его точки зрения, убедительные.

«Разве вы не знаете, – гремел он на предвыборных митингах, – что иные красноречивые, но бессовестные люди, которым безразлична судьба нации, могут ввергнуть страну в огонь. Разве вы не знаете, что весь народ считает: что-то делается неверно. И это дает возможность бессовестному человеку встать и сказать: «Вот – дорога. За мной!» – и повести по пути разрушения. Если так случится, тогда мы окажемся на пороге революции, да мы и стоим перед лицом революции».

Кандидату в президенты в узкопрактических целях подобает быть бесстрашным, и уже по этой причине В. Вильсон, мужественно напрягая голос (микрофонов не было), возглашал: «Я не боюсь революции!» Так кем же был Вудро Вильсон? Мессией, пророком? Вовсе нет. По основному роду занятий он был профессором истории и права. Но, усевшись в президентское кресло в Белом доме, В. Вильсон стал надзирать за постройкой по собственным чертежам паразитического сооружения, названного впоследствии им самим «Дорога от революции».

По всей вероятности, он был единственным американским президентом XX века, пришедшим к власти с твердо очерченными взглядами на роль государства в жизни современного буржуазного общества. Вильсон верил и убежденно учил других, что только сильная государственная власть дает достаточный и разнообразный набор инструментов для претворения в жизнь политических программ. То было не внезапное озарение, а результат глубокого изучения и развития буржуазной политической науки. Человек, разделяющий ее постулаты, неизбежно становится интеллектуально свирепым и морально безразличным. Так случилось и с Вильсоном.

Происхождения В. Вильсон по американским меркам был самого благонадежного. Сын священника и дочери священника, он родился в штате Вирджиния 28 декабря 1856 года. В семье не угасал трепетный огонь кальвинизма, и отец, несший Слово прихожанам, в глазах маленького Томми Вильсона был образцом. Детство и юность В. Вильсона прошли на Юге во время гражданской войны и последующей Реконструкции. Его не слишком трогала сущность дела – впечатляла эффектность голой силы и возможность быть безжалостным. Тайфун «марша к морю» прошел чуть ли не на глазах мальчика. Он видел, как соотечественники перестраивались насмерть, северяне вели войну против мирного населения Юга. В одной из ранних статей молодой Вильсон заметил: «Терпимость – неоценимый интеллектуальный дар, который, однако, почти бесполезен в политике. Политика – война убеждений, схватка принципов. Правление – слишком серьезное дело, чтобы допускать обмен бессодержательными любезностями». Таковы истоки его кредо.

Л рано проснувшееся честолюбие терзало. «У меня неприятное ощущение, – признавался молодой человек, – внутри меня бушует вулкан. Единственное спасение – пусть меня полюбят... Никогда и нигде не было человека, для которого любовь была бы столь важна, как для меня». Вулканические страсти скромно материализовались в визитные карточки, на которых значилось: «Вудро Вильсон, сенатор от штата Вирджиния». Крылья фантазии подняли его не выше Капитолия. На деле Вильсон занимал куда более скромное положение: неудачно попытав свои силы в юридической практике, он избрал путь преподавателя в колледже. В 34 года он – профессор истории и права Принстонского университета.

Здесь, пусть в привилегированном учебном заведении, он нянчился со студентами, тщетно пытаясь пробудить интерес к науке у юношей, увлеченных спортом. А страной, по мнению профессора, правили ничтожные люди. «В восьми словах можно подвести итог деградации наших политических партий, – с отвращением писал он, – нет руководителей, нет принципов, нет партий, нет политики». Посещавшие его лекции в 1887—1897 годах подметили некую страсть, придававшую необычный накал академическому материалу. Он начинал оттачивать мастерство оратора, разъезжая с лекциями по стране и добиваясь искомой «любви».

Уже в начале 80-х годов он торжествующе заметил: «У меня появляется ощущение силы, когда я имею дело с массой людей». Однако при том уровне развития средств массовой коммуникации единственную возможность собрать вокруг себя громадную аудиторию давало печатное слово. В центре изысканий автора с самого начала – возможности государственной власти в организации общества.

Острое недовольство вызывала у Вильсона американская демократия и как она функционировала после гражданской войны. Конгресс и особенно его комитеты оттеснили исполнительную власть – кабинет и президента. Мучительные словопрения по необходимости подменяли быстрое принятие решений. В результате силы правящего класса были распылены, а в стране поднималось мощное движение, пестрое по окраске, но, несомненно, склонявшееся к социальному перевороту. Анархию в ведении государственных дел необходимо преодолеть, размышлял он, обратившись к опыту английского господствующего класса, возложившего всю полноту исполнительной власти на кабинет, члены которого – депутаты парламента.

Какая жалость, что отцы-пилигримы, отправившиеся за океан из Англии еще в начале XVII века, не захватили с собой парламентской мудрости родины.

Эти положения и составили суть книги В. Вильсона «Правление конгресса», вышедшей в 1885 году. Книга прославила автора и, по существу, стала самым известным из его трудов. Хотя предложенной автором конституционной реформы не последовало, книга к началу века выдержала пятнадцать изданий. К этому времени изменилось многое. США вступили на путь империализма, классовые конфликты в стране обострились. Соответственно автор корректировал взгляды на предмет своего исследования.

В XX век В. Вильсон принес свою книгу с существенными оговорками. В предисловии к 15-му изданию, вышедшему в 1900 году, он писал под свежим впечатлением первой войны за передел мира – американско-испанской войны: «Самые важные изменения, которые можно усмотреть, это – значение войны с Испанией для осуществления власти внутри нашей федеральной системы. Значительно увеличились власть и возможности для конструктивного руководства президента в результате нашего выхода на международную арену и необходимости управления отдаленными владениями».

Вильсон имел все основания торжествовать: захватническая война против Испании создала больше возможностей для осуществления его предложений, чем надеялся профессор. Еще недавно он рассуждал всего-навсего о важности кабинета, теперь же выдвинул на авансцену президента. Обнаружилось, что незачем менять обветшалые рамки конституции, она написана так общо, что без особых хлопот предоставляла президенту громадную свободу действий. «Президент США ныне, конечно, вершит все дела», – с удовлетворением заключил В. Вильсон предисловие.

Приверженность принстонского профессора к доктрине сильной власти не укрылась от внимания тех, кто подбирает кандидатов на высшие политические посты в Америке, – незримого, по всемогущего «истеблишмента». Вне всяких сомнений, именно там решили испытать деловые качества теоретика, громко и твердо утверждавшего о приятных во всех отношениях истинах.

В 1902 году его избрали президентом Принстонского университета. Он преуспел на первом в жизни административном посту, сумев поднять скромные распоряжения по внутреннему распорядку университета до уровня волнующего крестового похода. Вильсон распорядился расселить студентов по менее привилегированным общежитиям, за что получил славу демократа. Спор о местонахождении колледжа для аспирантов ввел его в конфликт с опекунами университета (лицами состоятельными), отчего родилась популярность человека без страха и упрека. В эту борьбу он внес моральную страстность и вышел из нее поборником прав «простого человека».

Вероятно, В. Вильсон понимал, что пока его главное оружие – перо. Он написал около десятка книг, в том числе шеститомную «Историю американского народа», а в 1907 году выступил с последним курсом лекций, которые были опубликованы в 1908 году под заголовком «Конституционное правление в Соединенных Штатах». Оно заключается в том, открыл Вильсон, что президент – потенциально неоспоримый лидер правящей партии и выразитель национальных интересов. Президент, утверждал он, «является политическим вождем народа или имеет возможность стать таковым. Его избрала нация в целом, и совершенно очевидно, что страна не имеет иного политического руководителя. Только он может говорить языком всей нации. Стоит ему завоевать восхищение и доверие страны, и тогда никакая сила не сможет остановить его, ни одна коалиция в США не сумеет легко одолеть его... Если он правильно интерпретирует воззрения нации и смело настаивает на этой интерпретации, он непобедим».

Партийные боссы не могли не оценить завидного постоянства профессорских взглядов и их рассудительного развития. Чтобы разобраться в хаосе, нагроможденном свободным предпринимательством, нужна была сильная рука, наводящая порядок в интересах класса капита-

листов в целом. В этих условиях выбор В. Вильсона и переход его в сферу политики был логичен. В 1910 году его выбирают губернатором штата Нью-Джерси. На этом посту можно было продемонстрировать, какую участь речистый профессор готовил для всей страны. Вильсон оказался на высоте положения, пресек кое-какие лиходейства капитала в штате, которые вызывали недовольство всей капиталистической системой. Принятое по его инициативе законодательство штата широко рекламировалось как забота о благополучии абстрактной социальной категории, названной «народом».

Политик буквально вырастал на глазах, облакая довольно крутые методы руководства изысканными рассуждениями о демократии и бессодержательными проклятиями в адрес крупного капитала. Если принять во внимание, что Вильсон еще вызвал из небытия милые сердцу американского либерала тени джефферсоновской демократии, тогда понятно, почему и необразованные боссы бездушной партийной машины не могли не отдать должного важности образования для государственного деятеля. Наверное, так и нужно, рассуждали они, в просвещенном XX веке. Инстинктивно и не разбираясь в хитросплетениях учености, они понимали то, что не всегда видели прекраснодушные либералы, ослепленные словесной мозаикой В. Вильсона, – он все же был ближе к консерватору Э. Бёрке, чем к апостолу аграрной демократии Т. Джефферсону. Э. Бёрке, одобрительно заметил В. Вильсон по поводу его книги «Размышления о французской революции», показал, что «ненавидит французскую революционную философию и считает ее непригодной для свободных людей. Действительно, эта философия в корне порочна и развращенна. Ни одно государство не может строиться на ее принципах».

Вудро Вильсон говорил тогда о том, что государственную власть надо употребить для восстановления древних идеалов американского буржуазного общества. Иногда он выражался достаточно прозрачно: «Если бы я не считал, что задача прогрессиста состоит в сохранении наших коренных институтов, то я бы никогда не был прогрессистом». Попутно он изложил свои взгляды на способы обращения с крупным капиталом. Вильсон уподоблял гигантскую корпорацию автомобилю.

Если она злоупотребляет своим положением, то нужно наказывать не автомобиль (тысячи мелких акционеров), а безответственного водителя. «Чтобы реформы были настоящими и глубокими, – заверял Вильсон, – лучше законно посадить в тюрьму одного действительно ответственного человека, одного истинного организатора махинаций, противоречащих общественным интересам, чем обложить штрафами тысячу корпораций». Нет ничего удивительного, что к знамени, поднятому В. Вильсоном, монополисты сбегались толпами. У его древка они чувствовали себя в безопасности. Среди них были влиятельнейшие финансисты востока и запада страны, организованные полковником Д. Харви – издателем «Харперз уикли» и младшим партнером дома Моргана.

На выборах 1912 года усилиями крупного капитала и партийной машины демократической партии В. Вильсон был выдвинут в президенты Соединенных Штатов. Воспользовавшись расколом среди республиканцев, В. Вильсон уверенно провел кампанию под сверкающим лозунгом «Новой Свободы», специально отчеканенным интеллектуальными подмастерьями партии. Мастером был В. Вильсон, и публично он относительно точно взвесил содержание «Новой Свободы». «Что такое свобода?» – спрашивал В. Вильсон и тут же отвечал: «Вы говорите о паровозе, что он свободно движется. Что вы понимаете? Вы имеете в виду, что все части паровоза так собраны и приспособлены, что трение сведено до минимума, создана самая совершенная конструкция. Вы говорите о лодке, скользящей по воде: «Как свободно она идет!» – имея в виду, что лодка великолепно приспособлена к воде, прекрасно повинуете силе ветра...

Свобода в делах человеческих состоит в совершенном приспособлении друг к другу человеческих интересов, деятельности и энергии». В этом и состояла «Новая Свобода», по Вильсону, разумеется, расточительно украшенная и ссылками на «маленького человека», «демократию» и т. д. Бутафория увлекла избирателей. У. Липпман, кокетничавший тогда с

социалистическими идеями, обнаружил, что «Новая Свобода» означала «усилия мелких бизнесменов и фермеров использовать правительство против крупной коллективной организации промышленности». Вильсонисты принимали и такую интерпретацию – куда важнее было практически отвести недовольство в каналы, открытые «Новой Свободой». Придя в Белый дом, В. Вильсон решил сам изложить свою программу в конгрессе. В духе христианских миссионеров он явился в Капитолий, неся Слово американцам, которых предстояло обратить в свою веру.

Неслыханное нарушение традиции, продержавшейся свыше 100 лет! В начале XIX века Т. Джефферсон установил прецедент – он считал, что личное обращение к конгрессу напоминает тронную речь монарха. Для Вильсона не прецедент, а собственные взгляды были много важнее. Разве не он утверждал в книге «Конституционное правление в Соединенных Штатах»: «Президент свободен по закону и по совести быть столь великим человеком, каким он только может. Президент выше конгресса, ибо за ним, а не конгрессом, стоит нация». Когда в назначенный день – 8 апреля 1913 года – Вильсон предстал перед объединенным заседанием американского конгресса, то в тоне его речи можно было безошибочно уловить мессианские нотки: «Я хочу своим появлением подтвердить, что президент Соединенных Штатов является живым человеком, а не просто неким правительственным ведомством, приветствующим конгресс с изолированного островка соперничающей власти».

В первое президентство В. Вильсон без больших хлопот провел в жизнь различные меры, именовавшиеся «Новой Свободой». В совокупности они были приступом к реорганизации законодательства и государственного управления в интересах крупного капитала. Речь шла главным образом о хозяйственной сфере, социальная область затрагивалась относительно мало. Вильсону США обязаны современной финансовой системой. Создание в 1913 году федеральной системы дало возможность мобилизовать финансовые ресурсы страны, более гибко приспособливать денежный рынок к нуждам экономики. Тариф Унтервуда, введенный в 1913 году, уменьшил абсурдные ввозные пошлины. В 1914 году с большой помпой был принят анти-трестовский закон Клейтона и учреждена межштатная торговая комиссия, что в какой-то мере обуздывало эксцессы в конкурентной борьбе монополий. Фермеры из рук президента получили закон, установивший скромную систему кредитования в сельском хозяйстве.

Чаяния просвещенной части крупного капитала были удовлетворены, а Вильсон тем временем бдительно следил за тем, чтобы злоумышленники большого бизнеса не ускользнули от пропагандистского позорного столба. Что до социального законодательства, то был введен восьмичасовой рабочий день на железных дорогах национального значения {перед лицом угрозы всеобщей забастовки железнодорожников}, установлена компенсация гражданским служащим и проведены некоторые другие меры. Пределы социального законодательства президента очень скоро определил Верховный суд, отменивший как неконституционный проведенный Вильсоном закон, запрещающий детский труд в промышленности. Бросая ретроспективный взгляд на деяния В. Вильсона и «сравнивая их с его пламенными призывами, нетрудно заключить: «Дорога от революции» получалась не бог весть какая прочная.

Но суматоха вокруг «Новой Свободы», исполинское облако словесной пыли скрыли довольно скромные размеры сооружения, над которым усиленно трудился президентствовавший профессор. Проницательный современник заметил в статье в только-только входившем в моду у интеллигенции журнале «Нью рипаблик»: ««Мистер Вильсон, по-видимому, принадлежит к тем людям, которые стряхивают с себя земную суету, стоит им взяться за перо. Они становятся ужасно благородными. Они пишут так, как могли бы писать монументы великих деятелей. Они пишут только на бронзе и, по крайней мере, на тысячелетия. Они не произносят ничего, что могло бы быть сочтено тривиальным в Судный День... Отличительное качество мышления мистера Вильсона – заставлять даже самые обычные вещи выглядеть абстракциями. Практически он понимает, что стоят идеи в реальном мире живых людей, в действительности оп передает лишь весьма отдаленную картину этого мира. Его ум подобен огню, уничтожаю-

щему контуры предметов, на которые падает отблеск, – много света и различить можно очень немного».

Когда были написаны эти строки – в марте 1915 года, Европу уже сжигала война и ее дыхание, хотя значительно ослабленное Атлантикой, начало ощущаться в Соединенных Штатах. Грандиозный вооруженный конфликт за океаном поглощал внимание Вильсона. В том, что произошло в Старом Свете, он видел подтверждение своих соображений относительно развития человечества. «Новая Свобода» была, вне всяких его сомнений, нужна не одним Соединенным Штатам. Своему ближайшему другу и советнику, полковнику Хаузу, Вильсон открыл, что война «отбросит мир на три-четыре столетия назад», а американскому народу торжественно рекомендовал быть примером мира, «ибо мир оказывает целительное и возвышенное влияние, смута же – нет».

Если для современного человека катаклизм, потрясший Европу в 1914 году, укладывается в схему, знакомую по учебникам, то для людей, живших тогда, вооруженный конфликт великих держав значил неизмеримо больше. Впервые со времен наполеоновских: войн так называемая цивилизованная часть человечества слепо схватилась за оружие. На глазах рассыпался призрачный прогресс буржуазного общества. Марксисты, опиравшиеся на научный анализ, общих тенденций развития капитализма, давно предсказывали такой исход. Вильсон, разумеется, не имевший ничего общего с марксизмом, был, однако, ученым. Как таковой, он не мог не видеть совершенно очевидных фактов, о которых заявил не в то время, а спустя несколько лет, уже по завершении первой мировой войны.

Выступая на митинге в Сент-Луисе 5 сентября 1919 года, президент говорил: «Сограждане! Найдется ли среди вас здесь хоть один мужчина, хоть одна женщина или даже ребенок, кто бы не знал, что семена войны в современном мире порождены промышленным и коммерческим соперничеством? Истинная причина закончившейся войны заключалась в том, что Германия опасалась, что ее коммерческие соперники возьмут верх над ней, а причина, почему некоторые державы пошли войной на Германию, сводилась к тому, что они опасались торгового преобладания Германии над ними... Эта война началась как торговая и промышленная, а не политическая война». Иными словами, когда державы Антанты и США победили своих противников, В. Вильсон признал, что война зародилась в недрах капиталистической системы, среди государств с однотипным социально-экономическим устройством.

Понимая все это в 1914 году не хуже, чем в 1919 году, Вильсон тогда по понятным причинам не довел до сведения страны открытие, сделанное по завершении конфликта. В мире, отравленном шовинизмом, он предпочел говорить о другом. Хотя он частным образом отозвался о попытках великих держав решить свои споры силой как о «пьяной драке в публичном доме» п, гласно он выразил надежду, что Старый Свет обратится к Соединенным Штатам «за тем моральным вдохновением, которое лежит в основе свободы». Державы Антанты, однако, нуждались не в постных проповедях, а в материальных средствах для ведения боевых действий. Они и обратились за ними к США. Американский капитал, почувствовав возможность неслыханной наживы, с готовностью откликнулся на просьбы противников Германии. Соединенные Штаты и пошли с Антантой, не говоря уже о том, что американские монополии имели давние счета с немцами.

Разве мог Вильсон выступить против этого? В 1914 году, обозревая успехи «Новой Свободы», он торжественно провозгласил: «С антагонизмом бизнеса и правительства покончено». Американские промышленники тем временем стремительно превращались в фабрикантов смерти. Прискорбно с моральной точки зрения, но полезно для развития США. Расширение операций американских бизнесменов было постоянной заботой президента. С юности горячий приверженец теории «границы» американского историка Ф. Тернера, объяснявшего развитие США благотворными последствиями экспансии, Вильсон неустанно твердил о необходимости все дальше и дальше продвигать американскую «границу». Термин этот понимался

и применялся им не в буквальном смысле, а означал расширение сферы финансово-экономического господства США, нашедшего воплощение в доктрине «открытых дверей». Коль скоро американская «граница» достигла естественных пределов – побережий Атлантического и Тихого океанов, нужно распахнуть настежь двери заморских рынков.

Еще в период президентской кампании 1912 года В. Вильсон, оплакивая американский «провинциализм», учил своих горячих приверженцев – прогрессистов: «По почти неизбежным причинам благосостояние является результатом роста промышленности и торговли... Внутренний рынок ограничен... Короче говоря, мы достигли критической стадии в процессе создания нашего благосостояния... Если США не получают больших иностранных рынков, все рухнет. Тогда в стране начнется столпотворение, а это будет иметь фатальные экономические последствия». Собрав как-то в восточном зале Белого дома членов национальной ассоциации внешней торговли, он заверил избранную аудиторию, что «одна из дражайших забот сердца нашего – справедливое завоевание внешних рынков». В этом, подчеркнул президент, правительство «будет сотрудничать теснейшим образом в достижении нашей общей цели».

Война невиданными темпами двинула дело, «дражайшее» сердцу президента. Неслыханное кровопролитие в Европе резко повысило деловую активность в стране, поток военных заказов увеличил занятость и заработки. «Новая Свобода» получила мощное подкрепление. Но державы Антанты не могли оплатить свои закупки звонкой монетой, война требовала громадного количества вооружения, товаров и сырья. Они обратились к США с просьбой о займах. Тогдашний государственный секретарь У. Брайен, серьезно относившийся к доктринам Вильсона, выступил против предоставления займов, ибо «деньги – худший вид контрабанды, они господствуют над всем». Но он, не сумев убедить правительство, «ушел» в отставку. Другие советы имели больший вес в глазах президента.

В августе 1915 года министр финансов Мак Аду писал ему: «Грядет великое процветание, которое невероятно возрастет, если мы предоставим разумные кредиты нашим покупателям... Чтобы поддержать наше процветание, мы должны финансировать его. В противном случае ему придет конец и нас постигнет катастрофа». Лансинг, вскоре вознагражденный портфелем государственного секретаря за уместные советы, указывал: «Если европейские державы не изыщут средств для платежей... они будут вынуждены прекратить закупки, пропорционально сократится и наша внешняя торговля. В результате уменьшится промышленное производство, возникнет депрессия, появится излишний капитал и излишний труд, последуют многочисленные банкротства, воцарится финансовая деморализация, всеобщее беспокойство и страдания среди трудящихся классов». Вильсон согласился с доводами советников, вполне отвечавшими его личным убеждениям. Он произнес несколько речей о важности «нейтралитета» США и разрешил открыть кредиты державам Антанты.

Тем временем Вильсон обдумывал, как использовать кафедру президента, чтобы просветить мир относительно истинных интересов человечества. Взаимное, страшное избиение в Европе вдохнуло в него уверенность, что мессианский призыв будет принят с должным вниманием. Заверив американцев, что США «слишком горды, чтобы воевать», и добившись в 1916 году переизбрания президентом под лозунгом «Он удержал нас от войны», Вильсон в идентичных нотах, обращенных 18 декабря 1916 года к обеим воюющим сторонам, потребовал сообщить их цели войны. Государственные деятели и дипломаты держав Антанты были потрясены до глубины души – президент хладнокровно констатировал в документе: «Цели, которые имеют в виду политики обеих сторон в этой войне, практически не отливаются друг от друга...» Неслыханно! Ведь солдаты Антанты умирают, чтобы защитить цивилизацию от гуннов!.. Как «защитники» цивилизации, так и германские «варвары» ограничились бессодержательными ответами.

22 января 1917 года Вильсон прочитал речь, обращенную к сенату, а точнее к миру. Он заявил, что необходимо создать Лигу Наций с обязательным участием «народов Нового

Света». Он предложил: «Все нации должны единогласно принять доктрину президента Монро как доктрину всего мира», а пока «заключить мир без победы». Внушительная формулировка, означавшая только одно: не сделав ни одного выстрела, США хотели победить. Не преувеличение ли, не произвольная ли интерпретация речи Вильсона? Вовсе нет. Он твердо закончил свое выступление: «Это американские принципы, американская политика. Мы не можем поддерживать никаких других. Это также является принципами и политикой передовых людей везде, любой передовой нации, любой просвещенной общины. Это принципы всего человечества, и они должны возобладать».

Хотя сикофанты объявили проповедь Вильсона самым благородным выступлением со времени Декларации независимости, правительства европейских держав, которые вели гигантскую войну, серьезно не отнеслись к экстравагантному заявлению заокеанского оракула. Хорошо обученные и обучавшиеся ежедневно в школе войны, они были политическими реалистами, не считавшимися с претензиями, не подкрепленными силой. Империалисты сцепились в смертельной схватке за осязаемые интересы, а не за торжество «американских принципов», которые нужно было не провозглашать, а отвоевывать с оружием в руках.

Тем временем положение на фронтах становилось для Антанты тревожным. В случае ее поражения США ожидала ненависть победителей и побежденных. Удручающая перспектива. В Вашингтоне понимали, что придется выступить, пусть под флагом неких принципов, но в действительности руководствуясь весьма прозаическими соображениями. Вильсон сильно возмущался неограниченной подводной войной, начатой Германией. «Страшное варварство», – говорил он американцам. Посол США в Лондоне Пейдж в телеграмме 5 марта 1917 года, получившей впоследствии большую известность, представил события в должной перспективе: «Вероятно, – сообщал он, – вступление в войну – единственный способ сохранения нашего преобладающего положения в торговле и предотвращения паники. Подводные лодки добавили последнюю каплю к опасности международного финансового краха».

6 апреля 1917 года Вильсон потребовал от конгресса признать состояние войны, «навязанной» Соединенным Штатам Германией. Много внимания президент уделил предотвращению угрозы подводных лодок американскому судоходству. Но Соединенные Штаты шли на войну не под узким лозунгом «сделать моря безопасными от подводных лодок» (собственно, только этим кайзер и досадил США), а под внушительным штандартом – «сделать мир безопасным для демократии», подразумевая под этим торжество прокламированных принципов.

Америка выступила в «Великий крестовый поход». О добровольном наборе рати крестоносцев и думать не приходилось, в те времена в США с отвращением и ужасом относились к воинской повинности. Вильсон потребовал ввести ее. Спикер палаты представителей Ч. Кларк чистосердечно признался: «У нас в Миссури мы не видим большой разницы между военно-обязанным и осужденным». Закон прошел. Управление военного производства, возглавленное multimиллионером Б. Барухом, установило почти диктаторский контроль над промышленностью. Там выполняли патриотический долг с оплатой доллар в год крупнейшие монополисты. Вильсон обрушил словесные молнии на тех, кто жаждал военной наживы. Люди «по доллару в год» помалкивали, приумножая свои прибыли; в США за годы войны появилось свыше двух тысяч новых миллионеров.

Но накапливать приходилось все же осмотрительно, обращаясь на каждом шагу к корпоративным юристам. Еще по 13-й поправке к конституции, вступившей в силу в 1913 году, Вильсон добился введения в США наконец подоходного налога, теперь, в войну, он куда утяжелил руку фискального сыска. Были введены прогрессивное налогообложение, налог на наследство и налог на сверхприбыль. Индивидуального капиталиста, попавшего в сети налоговой инспекции, не слишком утешало, что Вильсон действовал в интересах эксплуататорского класса в целом.

В войне, надеялся В. Вильсон, родится новая страна. Хотя действительный фронт лежал по ту сторону Атлантики, интеллигентный президент с откуда только взявшейся солдатской прямоотой стал насаждать в стране казарменные нравы худшего образца. Одному видному публицисту Вильсон очень спокойно растолковал: «Стоит повести наш народ на войну, как он забудет, что терпимость вообще существует на этом свете. Чтобы воевать, нужно быть зверски грубым и беспощадным, дух зверской беспощадности повсеместно проникает в жизнь нации, заразит конгресс, суды, полицию, рядового человека». Президент, ужаснулся публицист, считал, что конституция, свобода слова и собраний не выживут в этой войне. По чрезвычайному закону о шпионаже 1917 года федеральные суды осудили свыше тысячи человек. Федеральные законы и законы штатов, принятые в войну, создали такую атмосферу, когда любая критика администрации Вильсона могла повлечь за собой судебное преследование и неизбежный приговор. На предприятия и в организации засылались шпики, провоцировавшие выступления, за которые арестовывали и избивали. Органы правопорядка первыми нарушали закон.

Вакханалия судебного и полицейского произвола увенчалась созданием министерством юстиции Лиги защиты Америки, насчитывавшей к концу войны 250 тысяч членов. Лига, по словам исследователя вопроса, «представляла собой всего-навсего организованную правительством толпу линчевателей, которая гордо, собственноручно, скоро и зверски отправляла закон. Лига специализировалась не на преследовании лиц в установленном законом порядке, а на прямой профилактике, используя для этого деготь и перья, избивая людей и заставляя их целовать государственный флаг». Вопли инакомыслящих и невинных жертв карающего патриотизма заглушал рев невероятной пропагандистской машины: с пулеметной быстротой и методичностью Комитет общественной информации Д. Крила затоплял США и мир потоком урашовинистической литературы.

Профессор-президент бесстрастно председательствовал на оргии произвола, увядали традиционно перехваленные буржуазно-демократические свободы и угасали надежды. Гордый и суровый человек, каким он был, президент меланхолически заметил в тесном кругу: «Нельзя одновременно воевать с Германией и сохранять идеи, которые разделяют все мыслящие люди... Для нас это было бы слишком». Трескучую лекцию английскому послу президент заключил: основная задача правительства – предотвратить «разногласия» в стране, «вопрос заключается не в том, что правильно с абстрактной точки зрения, сколько в том, что возможно с точки зрения народа». «Какой народ? Что за чепуха!» – возмутился молодой Г. Икес, с религиозным трепетом поклонявшийся президенту. Он пробился к занятому по горло Вильсону и спросил: «Вы разве не видите, что возникает ненависть, глупость, реакция, все, что противно вашим целям?» Вильсон спокойно ответил: «Ты молод, Икес. Когда тебе будет столько лет, сколько мне, и ты познакомишься с жизнью страны, го поймешь – народ терпит, терпит долго, но не бесконечно».

По свершавшемуся тогда в Соединенных Штатах было видно, в какое будущее президент возжелал повести американцев, а заодно все человечество. Он стремился внести дисциплину, как она ему представлялась, в дела человеческие. Тяжкий и непосильный труд для смертного. Вильсон же, по всей вероятности, полагал, что ноша окажется по плечу; если умело распределить ее среди тех, кто материально воплотит его идеалы. Носильщики были под рукой: в бесчисленных лагерях в США месили грязь или задыхались в пыли новобранцы разворачивавшейся американской экспедиционной армии, в Европе в кровавых траншеях воевали союзники – английские, французские, итальянские и русские солдаты. Мысль, как таковая, не обладает энергией, но воплощенная в десятках миллионов штыков – неотразимый по убедительности аргумент. Дело известное. «Последний довод короля» – когда-то чеканили на бронзовых пушках оружейники феодальных владык.

Оставалось немного – воплотить возвышенно-земной замысел в жизнь, подыскав средства, соответствовавшие духовной цели. Таковые были разработаны и проверены за время

существования Нового Света на старой планете. Американская буржуазия оказалась первой среди равных собратьев по классу не из-за своей пресловутой мудрости (страсть к наживе не бог весть какое сложное чувство), а потому, что умело использовала противоречия среди других держав. Политика «баланса сил» (двое дерутся, третий радуется), или «разделяй и властвуй», была всегда альфой и омегой Вашингтона. Благочестивые американские буржуа с ужасом отзывались о кровавых схватках в Европе и Азии, не забывая набивать карманы деньгами, торгуя с обеими враждовавшими сторонами. Привлекали их и не менее важные выгоды – противники истощали друг друга. Великая война, как она тогда называлась, открыла в этом отношении головокружительные перспективы. В Вашингтоне, связавшем свою судьбу с Антантой, не сомневались как в конечной ее победе, так и в том, что союзники придут к победе обескровленными до синевы. Тогда удастся продиктовать свои условия, воплотить в жизнь американские принципы во всем объеме и во всем мире.

Собственно, к тому дело и шло, если бы империалисты были властны над судьбами народов. Враждующие коалиции захлебывались в крови, дрались за место под солнцем. Но среди трудящихся масс шла подспудная работа, они отвергали капиталистические порядки, навлекшие на человечество неслыханные страдания. Заурядный американский профессор, давно заметивший это, взялся строить «Дорогу от революции», незаурядный русский народ, имевший за плечами многие десятилетия революционной борьбы, задумал стереть с лица земли капиталистические порядки. Партия большевиков указала путь и возглавила это массовое движение. Великий Октябрь испепелил двухмерный мир капитализма, человечество получило возможность жить в подлинном, трехмерном мире. Впервые на одной шестой части земли человек, согнутый эксплуататором, поднялся во весь рост и бросил вызов силам старого порядка.

Победа Великого Октября открыла новые перспективы перед человечеством и спасла мировую цивилизацию. Русский народ стал выполнять свою великую историческую миссию. Вступление передовой части человечества на путь коренного преобразования общества никак не устраивало мировую буржуазию. Эксплуататорские классы не могли испытывать к русскому Октябрю и его последствиям ничего, кроме лютой ненависти. Мировоззрение В. Вильсона не ограничивалось узкими рамками плоского буржуазного мышления, поэтому в отличие от капиталистических дубогрызов в его реакции на совершившееся в России было много больше, чем одна ненависть. По должности он мог не только выражать эмоции, но и предпринимать разнообразные действия.

Первая мировая война в корне подорвала доверие к историческому прогрессу, ставшее общим достоянием либеральной мысли на рассвете XX века. В том, что история выполняет некий скрытый гуманистический план, в те далекие годы сомнений не возникало. В жуткой трясине кровавой бойни, учиненной империализмом, исчезли без следа иллюзии, бессмысленное избиение миллионов людей никак не укладывалось ни в одну схему прогресса. С отталкивающей очевидностью выяснилось, что все без исключения модели исторического прогресса, разработанные и тщательно отделанные как позитивистами, так и философами идеалистического толка, были лишь ярко окрашенными игрушками, далеко не отображавшими зверской жестокости реального мира. Образовался глубокий духовный вакуум. Природа не терпит пустоты, и с годами адепты западного мировоззрения попытались заполнить зияющую пустоту. Пришли Шпенглер и Ясперс в философию, в области изящной словесности прозвучали имена Ремарка и Хемингуэя. При всем различии исходных посылок и выводов всех их роднило одно – стремление понять смысл громадной катастрофы, разразившейся над головой цивилизованного человека.

До появления этих и иных объяснений должна было пройти время, а оно неизбежно работало в пользу новых сил, пробужденных Октябрем, в России осенью 1917 года. Идеи марксизма-ленинизма а действию дали немедленный ответ на вопросы, поставленные мировым кризисом. Вильсон оказался среди немногих мыслителей Запада и еще меньшего числа западных государственных деятелей, сообразивших, что в самых насущных интересах капитализма также нужен немедленный собственный ответ. Ему было много легче так считать, чем другим лидерам мира капитала, исходная точка вильсоновского отсчета была давно вынесена вперед – еще в бытность профессором он мысленно рвался встретить революцию на дальних подступах, а, прорвавшись в Белый дом, получил материальную, возможность выступить в поход против нее. Ненавистная ему революция воплотилась в России. Без малейшего промедления нужно, ударить по революционному плацдарму! Но как?

Для закоренелых милитаристов проблема была ясна – двинуть превосходящую военную мощь. Хотя Вильсон никогда не отвергал этого пути и далеко прошел по нему, он понял, разумеется, до конца не сразу, что военные средства не решают даже значительной части проблемы, порожденной социальной лавиной, получившей первоначальный толчок в России. Полное понимание этого пришло не сразу. Иначе и быть не могло – президент оставался всего-навсего профессором, познания которого не были неограниченными. Более того, занятый практической политикой, он подотстал в теории. В канун Октября, в 1916 году, Вильсон откровенно признался: «За последние четырнадцать лет я не прочел до конца ни одной серьезной книги». Здесь пет необходимости проследивать мучительный процесс обучения ученого, достаточно сообщить конечный результат.

На пороге могилы, в августе 1923 года, В. Вильсон напечатал в «Атлантик мансли» статью «Как избежать революции». Автор все еще решал нерешенный вопрос: «Всеобщее беспокойство и смута должны иметь реальные причины. Они не сводятся к политической жизни или простым экономическим промахам. Причины, вероятно, коренятся глубоко – в истоках духовной жизни нашего времени... Почему случилась революция в России? Единственный ответ: она была продуктом всей социальной системы... Революция была результатом систематического лишения громадного большинства русских прав и привилегий, которых жаждут все нормальные люди». Сказано ясно. Беда в том, что признание очевидного оказалось возможным лишь тогда, когда против народов России безуспешно испробовали все средства борьбы, в том числе военные, принесшие неисчислимые жертвы и лишения стране, и без того измученной империалистической войной.

Ленинская партия выдвинула программу демократического мира, получившую могучий отклик во всех уголках мира. Откликнулся и В. Вильсон, огласивший в послании конгрессу 8 января 1918 года свои 14 основных принципов мирного урегулирования. Президент императивно заявил, что это «единственно возможная программа». Очевидно, направленная на ловлю душ, она была попыткой дать немедленный ответ на усилия большевиков в пользу мира. Риторика послания была необычной. Было даже заявлено: «Мы почитаем себя близкими друзьями всех народов и правительств, объединившихся против империализма». Он призвал к отмене тайной дипломатии, свободе морей, снятию таможенных барьеров, изменению границ по этническому принципу, созданию Лиги Наций и высказал много других прекрасных пожеланий.

Народам России обещалась полная свобода в определении своей судьбы, а пункт 6 послания, посвященный «русской проблеме», заканчивался поистине в лирических тонах: «Отношение сестер-наций к России в грядущие месяцы будет пробным камнем их доброй воли, их понимания ее нужд в отличие от их собственных интересов, их просвещенной и бескорыстной симпатии». Оставались сущие пустяки – подкрепить слова делами. Они последовали: Соединенные Штаты вступили в ряды участников антисоветской интервенции. Именно Вильсон послал американские войска сражаться против народов России, свергнувших старый строй. Он, наконец, схватился с ненавистной революцией, однако, сохраняя лицо, попытался изобразить

зять дело так, будто борется всего лишь за восстановление восточного фронта. В результате возникла коллизия между декларированными целями и практической политикой Вашингтона.

Вооруженное вмешательство во внутренние дела России державы Антанты и США объясняли тем, что они стремятся побудить страну к продолжению войны, а также не допустить захвата немцами военных запасов, завезенных царским и Временным правительствами и сосредоточенных в районах Мурманска и Архангельска. Россия вышла из войны как раз в то время, когда Соединенные Штаты готовились впервые принять участие в широких боевых действиях.

По чисто стратегическим соображениям, в первую очередь ради сохранения жизней американских солдат, восстановление восточного фронта представлялось неотложным. Тот факт, что это неизбежно повлекло бы за собой новые жертвы для народов России, американские штабисты, естественно, во внимание не принимали. Они были озабочены обеспечением прежде всего и исключительно интересов США.

Считая вовлечение России в боевые действия, безусловно, необходимым, высшее командование американских вооруженных сил, однако, не входило в рассмотрение, по существу, путей достижения этого, оставив изыскание методов и средств на долю политиков. Иначе и быть не могло – американские штабы, имея на руках глобальную, коалиционную войну, не были властны определять не только политику партнеров США – Англии, Франции, Италии и Японии, но и действия собственного правительства. Военное мышление, не отличаясь широтой, достаточно конкретно. По этой причине американские военные руководители были крайне изумлены, когда им свыше сообщили, что посылка войск на север и восток России облегчит победу над державами германского блока. Они инстинктивно почувствовали, что произошло чрезвычайно редкое событие – военные вплотную соприкоснулись с высокой политикой. Поскольку в дело был прямо замешан президент, оставалось только судачить относительно истинных целей Белого дома.

Примерно в таком духе и жаловался военный министр Н. Бейкер в доверительном письме 8 июля 1918 года начальнику штаба американской армии генералу Т. Блисссу. Говорят, писал он, что «нужно что-то сделать, чтобы сломать тупик, образовавшийся на западном фронте, и если этого невозможно добиться, то следует что-то предпринять в Сибири или другом месте. Я считаю, что это очень опасная доктрина и в корне неверная позиция. Я не вижу, как можно завершить войну, досаждаю Германии в других странах, а не нанеся удара прямо по ней... Я не усматриваю никаких надежд на спасение в экспедиции любого состава и любого размера, которая не будет иметь никаких шансов пройти дальше Иркутска. Я заметил лорду Ридингу, что Иркутск отделяют от русского фронта многие тысячи миль и поэтому экспедиция будет совершенно бесплодна. На это он ответил: «Иркутск ближе, чем Владивосток». Я же возражал, что это звучит примерно так, когда говорят: человек, забравшийся на крышу своего дома, ближе к Луне, хотя на деле он столь же далек от нее и у него нет никаких шансов попасть туда... Каждый солдат, каждый корабль, которые будут отвлечены с западного фронта, уменьшат совокупную союзную мощь, как и любая экспедиция в другую часть мира усилит предрасположение союзников ограничиваться только удержанием западного фронта в ожидании развития событий в других местах».

9 июля Н. Бейкер в телеграмме Т. Блисссу обескуражено сообщает: «Генерал Марч и я совещались с президентом относительно экспедиции в Мурманск. Как мы поняли, постоянные военные представители (держав Антанты. – Н. Я.) единодушно рекомендуют, чтобы экспедиция состоялась, как было намечено. Никто из нас не может усмотреть военной ценности в этих действиях, и мы полагаем, что это решение продиктовано иными соображениями». Военный министр был совершенно прав: В. Вильсоном двигали «иные соображения», носившие столь неприглядный характер, что апостол «демократии» не мог объявить о них не только миру, но

и собственным генералам. Он, пресвитерианин, любивший толковать о материях духовных, вознамерился силой оружия подавить мощь освободительных идей.

Все же было необходимо как-то растолковать, к чему, собственно, стремились Соединенные Штаты. 17 мая 1918 года государственный секретарь Р. Лансинг разослал послам держав Антанты меморандум, дававший «объяснение» американской политике. В меморандуме заявлялось: «Правительство Соединенных Штатов после длительного и тщательного рассмотрения всей обстановки в России пришло к ясному и твердому убеждению, что военная интервенция усилит, а не исцелит нынешнее прискорбное смятение в России, нанесет ей ущерб, а не излечит ее, не принесет никакой пользы в достижении нашей главной цели – победы над Германией. Поэтому правительство США не может ни принять участия в интервенции, ни санкционировать ее в принципе». Великолепная декларация! Только к этому времени американские интервенты уже высадились в Мурманске и Архангельске, завершались последние приготовления к отправке экспедиционного корпуса генерала Л. Грэвса на советский Дальний Восток, а представители США в России по уши погрязли в подрывной работе, делая все, чтобы организовать контрреволюцию.

Меморандум, однако, примечателен не только лицемерием, он проливает свет и на комплексный подход В. Вильсона к борьбе против молодой Республики Советов. Президент отвел первое место силе, однако одновременно заявил: США «при первой же возможности отправят в Сибирь комиссию в составе торговцев, экспертов по сельскому хозяйству, советников по труду, представителей Красного Креста, агентов Молодежной христианской ассоциации, искусных в распространении полезной информации, оказании содействия в деле просвещения, чтобы в скромных масштабах какими-то систематическими методами облегчить неотложные экономические нужды народа. Выполнение этого плана последует за военной помощью, с тем чтобы никоим образом не воспрепятствовать ведению военных операций».

Иностранные интервенты сделали все, чтобы раздуть в России гражданскую войну, фронт которой прошел через всю территорию Республики. Советский парод с оружием в руках отстаивал свою свободу и независимость, великие завоевания Октября. Дипломаты революции прекрасно понимали, что речистый президент США находится в числе самых лютых врагов Советской власти. 24 октября 1918 года НКВД РСФСР направил ноту, персонально адресованную президенту США Вильсону. В стиле тех огненных лет в документе изобличалось фарисейство президента. Перечислив заявления Вильсона о «дружбе» к русскому народу, составители документа, подписанного Г. В. Чичериным, указывали: «Оживление русской контрреволюции, которая сама уже превратилась в труп, попытки восстановить путем насилия ее кровавое господство над русским народом – вот что последний испытал вместо содействия беспрепятственному выражению его воли, которое было обещано ему, господин президент, в Ваших заявлениях».

Советское правительство многократно предлагало США, как и другим державам Антанты, заключить мир. Но они упорствовали, оказывая все возрастающую помощь российской контрреволюции. После победы над Германией и установления 11 ноября 1918 года перемирия отпал первоначальный повод для интервенции против Советской России. Отныне стало очевидным, что главная причина участия США в вооруженной борьбе с советским народом – ненависть к революции, желание восстановить старый порядок. Очень скоро обнаружилось крайне прискорбное для Вашингтона обстоятельство – солдаты Антанты и США, посланные в Советскую Россию, не желали сражаться. Идеи большевизма, овладевшие массами в России, заражали интервенционистские войска, перешагнули через границы страны и усилили революционный подъем в мире, которым ознаменовалось окончание первой мировой войны. Народы не хотели больше войны, жаждали крутых перемен.

Проблемы, как виделось Вильсону, стремительно нагромождались: победоносное развитие революции, необходимость мирного урегулирования с вчерашним противником и дости-

жение победы над недавними союзниками, социальные беспорядки и политическое разномыслие в США. Старый мир крутился в бешеном водовороте. Вильсон, по всей вероятности, считал себя умелым лоцманом, способным выправить курс. Когда в январе 1919 года в Париже собралась мирная конференция, Вильсон, нарушив все традиции (до тех пор ни один американский президент не выезжал из страны), явился в Париж, чтобы возглавить мир. Серьезность президента, с какой он приступил к делу, возмутила и насмешила даже его партнеров за столом мирной конференции, практических политиков. Французский премьер «тигр» Клемансо с издевкой заметил: «Бог даровал нам десять заповедей, а мы нарушили их. Вильсон дарует нам свои 14 основных принципов – посмотрим!»

Только взяв в соображение давний обычай ведущих американских государственных людей ассоциировать себя с высшими силами (не укрывшийся от внимания язвительного Клемансо!), можно уверовать в искренность президента. Он был убежден, что претворение в жизнь его 14 основных принципов исправит грешный мир, а главное – откроет дорогу для торжества целомудренной Америки. Он на свежем опыте смог убедиться, что возможности голой силы ограничены, и мучительно бился над проблемой, как же изыскать средства для нанесения поражения революции. Все, решительно все он подчинил этой цели. Накануне отъезда в Европу Вильсон доверился представителю английского правительства: «Призрак большевизма таится везде... Во всем мире серьезнейшее беспокойство. В США также появились симптомы этого, которые очевидны, хотя пока не опасны». В Париже в штаб-квартире антисоветской интервенции перед президентом разложили планы, сводившиеся к одному – вооруженной рукой раздавить Советскую Республику.

27 марта 1919 года совету четырех Парижской мирной конференции был представлен шедевр штабной мысли – маршал Фош огласил очередной план: войска Антанты и США должны остановить революционную волну, исходившую из России. Вильсон скрупулезно изучил план, карты, где жирные стрелы поражали большевизм в самое сердце, а затем произнес сентенцию, отдававшую отнюдь не военной мудростью: «Слово «большевизм» означает множество различных вещей. По моему мнению, попытка остановить революционное движение, выдвинув армии, равносильна попытке остановить метлой половодье. Более того, армии, получившие приказ сражаться с большевизмом, могут заразиться им. Между силами, которые мы намереваемся использовать друг против друга, существует сочувствие. Единственный способ действия против большевизма – заставить уничтожить его причины... Это, однако, невероятно трудно, мы даже не знаем точно его причин». Хотя план был отвергнут, Вильсон по собиравшемуся бездействовать, напротив, он трудился с бешеной энергией на всех фронтах борьбы против освободительного движения.

По мере успехов Красной Армии и усиления Советской России возможности военного вмешательства резко сужались. Летом 1919 года США были вынуждены вывести свои войска с севера Советской Республики. На Востоке армии Колчака не оправдывали надежд штаба контрреволюции – лидеров Запада, препиравшихся на Парижской мирной конференции. В июле 1919 года Вашингтон приказал генералу Л. Грэвсу, послу США в Японии Р. Моррису и ряду лиц объехать «Колчакию», побывав в Омске, и выяснить, что происходит и каковы перспективы белых в Сибири. К миссии примкнул по своей инициативе, но с разрешения госдепартамента полковник У. Донован. На деле он был личным представителем президента В. Вильсона, о чем ему было категорически запрещено сообщать своим высокопоставленным коллегам.

Только в начале восьмидесятых в больших книгах, вышедших в США, – жизнеописаниях генерала У. Донована, заложившего при Ф. Рузвельте современную американскую разведку, сообщалось: «Корни Управления стратегических служб и Центрального разведывательного управления, сменившего его, уходят далеко в бурную историю XX века. Можно сказать, что истоки в этом поезде, идущем по берегу залива Петра Великого у Владивостока, в котором

в жаркий летний день ехал человек. В предстоявшие недели Донован узнал многое, имевшее непреходящее значение не только о происходящем в Сибири... Эта миссия создала ему должную репутацию, когда спустя два десятилетия он стал главой первой системы стратегической разведки США». Суть ее – изучать прежде всего политические проблемы противника.

Летом 1919 года Донован собрал множество свидетельств краха белых, повсеместной поддержки народом большевиков. Он выслушал леденившие кровь свидетельства американских офицеров о зверствах колчаковцев, массовых расстрелах. Далее в книге о Доноване эпически повествовалось: «Когда американские солдаты впервые появились в Сибири, они занимались разве тем, что ловили лосося в реках. Теперь их части подвергались нападениям партизан, которые с одинаковой яростью обрушивались на белых и иностранцев. Американцы убивали, и их убивали». Донован приехал в Сибирь после траншей западного фронта, где командовал полком. Естественно, он рекомендовал дать Колчаку вооружения и снаряжения на армию в 600 тысяч человек. Такие рекомендации после красноречивых описаний тем же Донованом краха колчаковщины в Вашингтоне «встретили молчанием».

В Белом доме Вильсон заключил: американским войскам нужно уносить ноги из Сибири. К весне 1920 года они были выведены. Интервенты, получив памятный урок, убрались восвояси. Советская Республика выходила победительницей из неслыханно тяжелой войны. Советское правительство, обоснованно полагая, что исторический опыт у людей разумных открывает глаза, вновь вернулось к вопросу о восстановлении отношений с США.

В ноте правительства РСФСР правительству США от 24 февраля 1920 года подчеркивалось: «Победоносное движение доблестных советских войск в Сибири и распространившееся с непреодолимой силой всеобщее народное движение против контрреволюции и против иностранного нашествия непосредственно приблизили перспективу восстановления сношений между Советской Россией и Североамериканскими Соединенными Штатами». Ответа, как обычно, не последовало, и не только потому, что в Вашингтоне по-прежнему игнорировали РСФСР, а потому, что там уже развернулась ожесточенная борьба вокруг уместности идей Вильсона для Америки 1920 года. Что же случилось?

ПАДЕНИЕ С ПЬЕДЕСТАЛА

Почти всю первую половину 1919 года Вильсон провел в Париже, руководя, как ему казалось, мирной конференцией. В ряде вопросов он действительно оказался конечным арбитром, но в целом мирное урегулирование не только не воплотило грандиозных замыслов президента, но пошло вопреки империалистическим интересам США. Сверхидея Вильсона заключалась в том, чтобы организовать по всем линиям капиталистический мир против революции. Он полагал, что в Лиге Наций капитализм обретет новый Священный союз, охраняющий, разумеется, реформированную систему частной собственности. Теоретически по этим вопросам у него была определенная ясность.

Еще в 1918 году, беседуя с равным по интеллекту профессором и родственником С. Эксоном, президент сообщил свои взгляды на будущее. Лига Наций нужна не «для уничтожения, а для упорядочения политики силы», с тем чтобы сократить коллизии на международной арене, которые ведут к социальным беспорядкам. «Следующий президент, – наставительно произнес Вильсон, – должен быть способен мыслить в масштабах всего мира. Он должен думать обо всем мире. Ныне таким мышлением обладают только рабочие лидеры, которые связаны с международными движениями. Мир радикально изменится, и я убежден, что правительства должны будут осуществить многое, что ныне выпадает на долю отдельных лиц и корпораций. Я убежден, например, что многие правительства должны будут взять себе все основные естественные ресурсы... водную энергию, угольные шахты, все залежи нефти и т. д. ...Я говорю об этом именно потому, что не являюсь социалистом. Я думаю, что единственный путь предотвратить коммунизм – провести меры в таком духе».

В абстрактном мышлении В. Вильсон провел синтез внутренней и внешней политики капиталистических стран. Но то, что представлялось возможным в застольной беседе двух профессоров, встретило яростные возражения и сопротивление не только политиков, но и класса капиталистов, в первую очередь американского крупного капитала. Они, разумеется, все были против коммунизма, но Вильсон хватал слишком далеко и был определенно непрактичен. Он предлагал такие нововведения, которые противоречили господствовавшей тогда философии буржуазии. Стремясь предотвратить эвентуальную угрозу (а далеко не все буржуа были дальновзоркими), он предлагал поступиться реальными интересами – свободой наживы, сковать свою деятельность некими рамками. Ярким доказательством того, что идеи Вильсона были преждевременными, явилась скорость, с которой в США отменялись военные статуты, связывавшие руки предпринимателям в интересах упорядоченного ведения военного хозяйства.

Вильсон смог претворить в жизнь только одну свою идею – Лигу Наций, которая далеко не удовлетворила американский правящий класс. Президент объявил своим партнерам на мирной конференции, что согласие их с Лигой Наций – краеугольный камень мирного урегулирования. Они с легким сердцем пошли на это, ибо в обмен за поддержку создания Лиги Вильсон санкционировал империалистические захваты держав Антанты, о которых они в основном договорились еще до вступления в войну. Результат неоптимальный. В 1917 году Вильсон писал Хаузу: «Англия и Франция придерживаются совершенно иных взглядов на мирное урегулирование, чем мы. Когда война закончится, мы сумеем заставить их принять нашу точку зрения, ибо к тому времени, помимо всего, в финансовом отношении они будут в наших руках». На деле получилось так, как отмечал В. И. Ленин: «Вильсон... оказался совершенным дурачком, которым Клемансо и Ллойд Джордж вертели как пешкой». Почему?

Руководители держав Антанты внутренне без особого трагизма относились к проблеме задолженности Америке. Они, вероятно, полагали, что давно расплатились с американскими шейлоками кровью своих солдат, защищая в Старом Свете и Новый Свет. Победители в Париже обещали, конечно, расплатиться. Но расплата по долгам, да еще с процентами, – про-

цесс длительный, а мирное урегулирование не терпело оттяжки. Так, уже одна логика переговоров разорвала неизбежную в глазах Вильсона связь между долгами и политикой. Рычаг, на который тогда собирался опереться президент, оказался иллюзорным. Президент не заметил этого, а также и того, что значительная часть займов державам Антанты была оформлена уже после завершения военных действий.

Международная организация – Лига Наций, устав которой открывал все мирные договоры, сочиненные в Париже, по замыслу Вудро Вильсона и должна была внести организующее начало в мир, потрясенный войной и революцией. Она должна была сцементировать рассыпавшийся на глазах старый порядок. Президент был убежден, что успех Лиги Наций возможен при главенстве в ней США и участии с самого начала поверженной Германии. Святая простота! Правительства Антанты собирались продиктовать немцам Карфагенский мир, а в США не могли взять в толк, каким же образом устав Лиги (где, например, Англия с доминионами имела 6 голосов, а США – 1) обеспечит главенство Соединенных Штатов в мире. Председатель сенатского комитета по иностранным отношениям сенатор Г. Лодж, чья приверженность к Гарварду и ненависть к президенту были общеизвестны, с отвращением отозвался об уставе: «Как сочинение по английскому языку устав не заслуживает положительной оценки. Возможно, такое сочинение пройдет в Принстоне, но никак не в Гарварде».

Подход Вильсона к Лиге Наций пронизывало убеждение, восходившее к Руссо и Канту, о том, что универсальность демократических или республиканских правительств обеспечит в мире желанный порядок. Нелепая посылка, с точки зрения здравого смысла буржуа! Вильсон подспудно хотел, чтобы капиталистические страны через Лигу отныне полюбовно решали свои споры, не ослабляли себя рознями перед лицом назревавшей революции. Наивная идея! Капитализм не может существовать без войн, и господа капиталисты глухи к миротворческим призывам даже в их конечных интересах. Иные в США, приняв на веру вильсонизм, горячо советовали президенту пойти много дальше.

Старый друг Вильсона Д. Рекорд в марте 1919 года прислал ему письмо, объясняя, в чем недостатки Лиги Наций в плане чистого прогрессивизма. Он писал: «Идея Лиги Наций не укрепит ваших позиций ни теперь, ни в истории, ибо она, как и вся ваша политика, не затрагивает корней проблемы. Войны вызываются существованием привилегий. В любом современном государстве управляют привилегированные, то есть те, кто контролирует экономику, владея железными дорогами, землями, банками. Таким путем эти люди приобретают громадные и незаработанные капиталы, для которых нет применения в собственных странах, ибо нищета рабочих ограничивает внутренний рынок. Люди, контролирующие эти избыточные капиталы, должны искать для эксплуатации новые страны и народы, а возникающие столкновения эгоистических интересов и приводят к войнам. Войны можно ликвидировать, установив царство справедливости, то есть уничтожить привилегии во всех великих державах. Я не верю, что вам удастся создать механизм для поддержания справедливости, то есть уничтожить привилегии во всех великих державах. Я не верю, что вам удастся создать механизм для поддержания справедливости в международных отношениях среди правительств, которые отказывают в справедливости собственным народам... Более того, возможно, если не вполне вероятно, что Лига Наций, учрежденная нынешними союзными правительствами, будет использована как международный бастион для привилегированных».

Автор письма заклинал президента дополнить его программу в международных делах «социал-демократической программой» внутри страны, включая национализацию основных отраслей промышленности и ограничение крупных состояний. Он понимал, что эту программу едва ли удастся претворить в жизнь, но неудача Вильсона будет носить только временный характер, а потомки признают в президенте «действительно великого человека».

Все это, как мы видели, Вудро Вильсон прекрасно понимал. Но практически, помимо абстрактных рассуждений с близкими, он ничего не сделал, и по основательной причине: он

не хотел и не мог бороться против революции революционными методами. Пока задачей президента было объединить вокруг США и под их главенством капиталистический мир. Короче говоря, он пытался распространить через Лигу Наций новую «доктрину Монро» на весь мир. В период подготовки мирного договора президент учил экспертов американской делегации: «То же самое, что эта доктрина дала Западному полушарию, Лига Наций сможет дать остальному миру, и подобно тому, как «доктрина Монро» возникла как раз вовремя, чтобы оформить изменившиеся условия, таким же образом возникнет и разовьется Лига Наций».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.